

ПЕРЕПИСКА ЖУКОВСКОГО С ПУШКИНЫМ
В НОЯБРЕ 1836 г.

(УТОЧНЕНИЕ ДАТИРОВОК)

Письма и «Конспективные заметки» Жуковского, относящиеся к ноябрьской дуэльной истории, являются бесценным биографическим источником. О многих важных событиях ноября 1836 г. мы бы просто ничего не знали, если бы до нас не дошли эти лаконичные памятные заметки и торопливо набросанные Жуковским записки к Пушкину. Однако истолкование этих материалов затрудняется тем, что ноябрьские письма Жуковского к поэту не датированы. Он писал их в волнении и спешке, когда все было напряжено до крайности, и тут же отсылал со слугой или посыльным на Мойку, веля передать их Пушкину в собственные руки. На этих письмах, которые были продолжением недавно прерванного разговора, Жуковский не обозначал дат.

Теперь же, когда эти страницы, исписанные в минуты величайшего душевного напряжения, превратились в исторический источник, уточнение датировок приобрело первостепенное значение, так как неясности с датами препятствуют воссозданию истинной последовательности событий, имевших место в ноябре 1836 г.

В академическом издании Полного собрания сочинений Пушкина письма Жуковского помещены в таком порядке: № 1, от 9 ноября 1836 г.;¹ № 2, от 10 ноября (XVI, 184—185, № 1285); № 3, от 11—12 ноября (XVI, 185—186, № 1286); № 4, от 14—15 ноября (XVI, 186—187, № 1287); № 5, от 15—20 ноября (XVI, 189, № 1292). Из них, как показали исследования последних лет, первые два датированы точно, остальные — ошибочно.

Для восстановления фактического хода событий в момент ноябрьского конфликта особенно важное значение имеют третье и четвертое письма Жуковского.

Дата четвертого письма, напечатанного в академическом издании под № 1287, в настоящее время уже не вызывает сомнений. Это письмо, начинающееся словами: «Вчера в вечеру после бала заехал я к Вяземскому...», было написано Жуковским рано утром 16 ноября — после бала в Аничковом дворце, который состоялся накануне, в воскресенье, 15 ноября. Точная дата этого письма была впервые установлена М. И. Яшиным на основании записей в камер-фурьерском журнале.²

¹ Пушкин. Полн. собр. соч.: В 16-ти т. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1949, т. XVI, с. 183, № 1283. Далее в этой статье все цитаты из писем Жуковского к Пушкину даются по этому изданию с указанием в тексте (в скобках) тома (римская цифра) и страницы (арабская цифра).

² Яшин Михаил. Хроника преддуэльных дней. — Звезда, 1963, № 8, с. 180.

Гораздо сложнее обстоит дело с предыдущим письмом (№ 1286). В академическом издании оно датируется 11—12 ноября, а М. И. Яшин полагал, что оно написано 10 ноября. Теперь уже ясно, что и то, и другое предположение было ошибочным. Дату этого письма Жуковского оказалось возможным определить после уточнения хода событий ноябрьской дуэльной истории.³

Чтобы обоснование датировки стало понятным, необходимо напомнить об основных вехах переговоров, происходивших в ноябре 1836 г. после вызова Пушкина. Как известно, Жуковский приехал в Петербург из Царского Села по просьбе Натальи Николаевны 6 ноября. И затем в течение трех дней, с 7 по 9 ноября, он вел переговоры с бароном Геккерном, изыскивая способы для предотвращения поединка. В первый же день переговоров Жуковский услышал от посланника версию о любви Дантеса к Екатерине Гончаровой и о предполагаемом браке. Доверившись Геккерну, он сделал попытку убедить в этом Пушкина. Совместно с Геккерном Жуковский разработал план примирения противников и предложил устроить встречу между ними с тем, чтобы Пушкин выслушал объяснения Дантеса. Поэт решительно отказался от свидания с Дантесом и от примирения. 10 ноября переговоры были прерваны. Они возобновились 11 или 12-го по инициативе Е. И. Загряжской. Жуковский, вновь встретившись с Геккерном, порекомендовал ему лично объявить самому Пушкину о предполагаемом браке, т. е., другими словами, посоветовал ему поручиться перед поэтом своим словом, что этот брак состоится. Тем самым дело о сватовстве Дантеса должно было выйти из пределов тайных семейных переговоров и приобрести официальный характер. Геккерн был вынужден принять эти условия, после чего Пушкин дал согласие на свидание с посланником. Суть достигнутой договоренности состояла в том, что поэт, ввиду предстоящего сватовства Дантеса, решил взять назад свой вызов. О решении Пушкина Геккерну стало известно к вечеру 12 ноября. Об этом мы знаем из письма посланника к Е. И. Загряжской, написанного в пятницу, 13 ноября.⁴ В нем Геккерн писал: «После беспокойной недели я был так счастлив и спокоен вечером, что забыл просить вас, сударыня, сказать в разговоре, который вы будете иметь сегодня, что намерение, которым вы заняты о К. и моем сыне, существует уже давно...» и т. д.⁵ Как видно из этого письма, 13-го днем поэт должен был прийти к Е. И. Загряжской, чтобы договориться с ней об условиях свидания с Геккерном.

Вот в этот момент, когда определился поворот в переговорах, и было написано то письмо Жуковского, о котором идет речь.

³ См.: *Абрамович С. Л.* Пушкин в 1836 году. (Предыстория последней дуэли). Л., 1984 (глава «Переговоры»).

⁴ В тексте этого письма, копия которого сохранилась в бумагах Жуковского, имеется помета: «Пятница. Утро». Значит, письмо написано утром 13 ноября. См.: *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 18, № 198. Дата впервые была указана П. Е. Щеголевым, см.: *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. 3-е изд. М.; Л., 1928, с. 91.

⁵ *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина, с. 91.

Жуковский писал его в величайшей тревоге рано утром, до ухода во дворец (кстати, почти все письма его к Пушкину, связанные с ноябрьским вызовом, были написаны на рассвете: в те дни Жуковский мог видаться с поэтом лишь около полудня, после возвращения из дворца, и в письмах он стремился предостеречь Пушкина от неосторожных шагов). Так было и на этот раз.

Жуковский писал Пушкину: «Ты поступаешь весьма неосторожно, невеликодушно и даже против меня несправедливо. За чем ты рассказал обо всем Екатерине Андреевне и Софье Николаевне? Чего ты хочешь? Сделать невозможным то, что теперь должно кончиться для тебя самым наилучшим образом...» (XVI, 185).

Эта фраза неоспоримо свидетельствует о том, что письмо писалось тогда, когда уже наметился перелом в переговорах и когда была достигнута предварительная договоренность о мирном исходе дела. Значит, оно было написано не ранее, чем 14 ноября утром, так как утром 13-го — до разговора Пушкина с Загряжской — еще ни у кого не было такой уверенности (из письма Геккерна известно, что в пятницу утром он с нетерпением ожидал результатов этой встречи; в своей записке к Загряжской посланник умолял ее сразу же известить его о решении Пушкина: «Пожалуйста, сударыня, пришлите мне словечко после вашего разговора, страх опять охватил меня, и я в состоянии, которое не поддается описанию»).⁶

С другой стороны, из содержания письма ясно, что оно написано до того, как состоялась свидание поэта с Геккерном. Видимо, именно перед этой решающей встречей Жуковский спешил предостеречь Пушкина. Письмо кончается словами: «Я увижусь с тобою перед обедом. Дождись меня. Ж.» (XVI, 186).

Поводом для этого большого письма послужил разговор, который состоялся накануне у Карамзиных. 13 ноября днем после встречи с Е. И. Загряжской Пушкин зашел к Карамзиным. До этого момента поэт строжайше хранил тайну вызова, чтобы поединок не расстроился. Но решившись отказаться от дуэли, Пушкин рассказал Карамзиным и о своем вызове и обо всех маневрах, предпринятых Геккернами. Ему было важно, чтобы именно в этом кругу, где вся молодежь была дружески расположена к Дантесу, узнали, каков он на самом деле. Согласившись не разглашать тайну вызова в обществе, Пушкин отнюдь не считал, что он не вправе говорить об этом откровенно с самыми близкими людьми.

Жуковский, узнав об этом разговоре, пришел в ужас. Он испугался, что дело примирения опять разладится. Под этим впечатлением Жуковский и написал рано утром 14 ноября письмо к Пушкину, в котором потребовал безусловного соблюдения тайны (XVI, № 1286). Подтверждением того, что это письмо написано именно 14 ноября, служит следующее письмо Жуковского,

⁶ Там же, с. 92.

в котором речь идет о разговоре поэта с княгиней Вяземской (№ 1287). Оно датируется, как уже было сказано, 16 ноября. В нем Жуковский, упрекая Пушкина за откровенный разговор с В. Ф. Вяземской, писал: «Вот что à peu près⁷ ты сказал княгине третьего дня, уже имея в руках мое письмо...» (XVI, 186). Третьего дня, т. е. 14 ноября, после того как Пушкин утром уже получил письмо, в котором Жуковский умолял его никому ничего не рассказывать.

14 ноября днем, освободившись от своих служебных обязанностей во дворце, Жуковский зашел к Пушкину, и между ними состоялся нелегкий для обоих разговор.

Короткое письмо, которое Жуковский отослал Н. Н. Пушкиной на следующий день, 15 ноября, свидетельствует о том, как нелегко пришлось ему в эти дни, когда он делал все, чтобы спасти поэта от гибельной дуэли. В его письме чувствуются отголоски глубокой обиды.

Это письмо Жуковского, опубликованное П. И. Бартеневым в 1889 г. без точной даты, было забыто биографами поэта и никогда раньше не связывалось с ноябрьскими событиями. Теперь оказалось возможным правильно датировать его,⁸ и оно открывает нам новые, ранее неизвестные подробности об одном ноябрьском дне 1836 г. В ответ на вопрос Натальи Николаевны по поводу бала в Аничковом дворце Жуковский написал ей: «Разве Пушкин не читал письма моего? Я, кажется, ясно написал ему о нынешнем бале, почему он не зван и почему вам непременно надобно поехать. Императрица сама сказала мне, что не звала мужа вашего оттого, что он сам ей объявил, что носит траур и отпускает всюду жену одну; она прибавила, что начнет приглашать его, коль скоро он снимет траур. Вам надобно быть непременно. Почему вам Пушкин не сказал об этом, не знаю; может быть, он не удостоил прочесть письмо мое».⁹

Записка Жуковского к Н. Н. Пушкиной теперь, когда она точно датирована, открывает нам важнейшие подробности. Оказывается, приглашение на первый бал зимнего сезона в Аничков дворец было прислано только на имя жены поэта, Пушкин приглашения не получил. Это не было случайной ошибкой. Императрица тем самым выразила свое неудовольствие по поводу того, что поэт не явился 1 июля на традиционный петергофский праздник, который давался в ознаменование дня ее рождения. Как видно из записки Жуковского, государыня лично справлялась у Пушкина о причинах его отсутствия (очевидно, это произошло в августе, когда она встретила поэта на островах). Пушкин отговорился тем, что он носит траур после смерти матери. В глазах императрицы семейный траур вряд ли мог служить препятстви-

⁷ Приблизительно (*франц.*).

⁸ Обоснование датировки дано в кн.: *Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году*, с. 127, 197.

⁹ Русский архив, 1889, кв. 3, с. 124.

ем для исполнения придворных обязанностей, особенно в такой высокотожественный день. Она не выразила прямо своих чувств, но, воспользовавшись первым же удобным поводом, дала о них понять поэту.

Не получив приглашения, Пушкин не мог сопровождать жену во дворец. И Наталья Николаевна должна была появиться на балу одна, без мужа, в тот момент, когда ее отношения с Данте-сом стали предметом светского злоречия и всеобщего внимания. Все это вызвало страшный взрыв раздражения у Пушкина. Наталья Николаевна не знала, как ей поступить, и обратилась за советом к Жуковскому.

Судя по его ответному письму, Жуковский накануне говорил с Пушкиным о бале в Аничковом и, по-видимому, после этого разговора обратился к императрице с тем, чтобы как-то исправить положение. Государыня, однако, не пожелала менять своего решения. Она сказала, что начнет приглашать Пушкина, когда узнает, что он снял траур. Неудовольствие императрицы было очевидным. Вот почему Жуковский так настойчиво советовал Наталье Николаевне быть 15-го вечером во дворце. В своей записке он дважды повторил слово «непременно» и даже подчеркнул его.

Как видно из той же записки, Жуковский утром 15 ноября уже писал об этом Пушкину, но что случилось с его письмом — неизвестно. Этого письма нет в составе бумаг Жуковского, который в феврале 1837 г. собрал все свои письма, относящиеся к дуэльной истории, и аккуратно хранил их до конца жизни. Можно предположить, что Пушкин в порыве гнева уничтожил это письмо. Для него было непереносимо это напоминание о его зависимости от двора.

Позднее, в марте 1836 г., Жуковский в письме к И. И. Дмитриеву признался, что страдания Пушкина оставались «для всех тайными». ¹⁰ Так было и в ноябре 1836 г. Увещевая друга, Жуковский не понимал до конца, какие муки все это причиняет Пушкину.

Записка, обращенная к жене поэта, почему-то осталась в бумагах Жуковского. Может быть, набросав это письмо, Жуковский, вместо того чтобы отослать его, решил обо всем переговорить лично и поехал к Пушкиным. Так ли это было — остается неясным. Мы знаем только, что вечером 15 ноября Н. Н. Пушкина появилась на балу в Аничковом дворце. Значит, совет Жуковского был принят.

Следующее письмо Жуковского, как уже говорилось, было написано рано утром 16 ноября, в тот день, когда переговоры, как казалось, подошли к благополучному завершению. Уже было условлено, что 16 ноября Жуковский передаст Геккернам письмо Пушкина с отказом от вызова. Но накануне ночью, заехав после бала во дворец к Вяземским, Жуковский услышал от Веры Федоровны, о чем с ней говорил Пушкин. И утром 16 ноября, в отчая-

¹⁰ Русский архив, 1866, стб. 1641—1642.

нии от того, что дело опять срывается, Жуковский написал Пушкину письмо, в котором решительно потребовал полного соблюдения тайны и точного исполнения обещания, данного Геккерну в присутствии Е. И. Загряжской. Он предупреждал друга, что в противном случае принужден будет отказаться от взятой на себя роли посредника. Письмо заканчивается сказкой о Волке и Пастухе. В ней Жуковский вместо прямых упреков и поучений прибегает к поэтическому языку, который для них обоих был более внятным. Сказочка многозначна. Хотя Дантес выступает в ней в роли Волка (злодея) и Пастух вправе его застрелить, Пастух тем не менее обязан соблюдать условия, которые он заключил с Волком (XVI, 187).¹¹

По-видимому, 16-го днем они увиделись, и Жуковскому удалось добиться каких-то заверений от Пушкина, так как письмо поэта с отказом от вызова было все-таки вручено Геккерну.¹²

Итак, в самый напряженный момент ноябрьской дуэльной истории Жуковский все время был рядом с Пушкиным. Они виделись ежедневно, и Жуковский почти каждый день писал ему. Известные нам письма Жуковского были написаны 9 ноября (XVI, № 1283), 10-го (№ 1285), 12—13-го (?) (№ 1292), 14-го (№ 1286), 15-го (не сохранилось), 16-го (№ 1287). 15 ноября Жуковский написал короткое письмо Наталье Николаевне в ответ на ее записку; 16 ноября жена поэта еще раз писала Жуковскому, и он ответил ей тотчас же, на словах или письменно — неясно (эти письма до нас не дошли).¹³

Все эти даты, кроме одной, в настоящее время следует считать точно установленными. Дата письма, напечатанного в академическом издании под № 1292, может быть определена лишь приблизительно.

Сейчас уже очевидно, что датировка, принятая академическим изданием (15—20 ноября), нуждается в пересмотре, так как по своему содержанию это письмо не вписывается в контекст событий, происходивших в те дни. Жуковский написал это письмо рано утром; в нем он предупреждал Пушкина, что зайдет к нему около полудня:

«Хотя ты и рассердил и даже обидел меня, но меня все же к тебе тянет — не брюхом, которое имею уже весьма порядочное, но сердцем, которое живо разделяет то, что делается в твоём. — Я приду к тебе между 1/2 12 и часом; обещаюсь не говорить более о том, о чем говорил до сих пор и что теперь решено. Но ведь тебе, может быть, самому будет нужно что-нибудь сказать мне.

¹¹ Эту «сказочку» впервые прокомментировала А. А. Ахматова, см.: *Ахматова Анна. О Пушкине*. Л., 1977, с. 121, 122.

¹² Об этом подробнее см. в кн.: *Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году*, с. 129—133.

¹³ О записке Н. Н. Пушкиной к Жуковскому, отосланной вечером 16 ноября, известно из «Конспективных заметок» Жуковского, см.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. 2, с. 340.

Итак приду. Дождись меня пожалуста. И выскажи мне все, что тебе надобно: от этого будет добро нам обоим. Ж.» (XVI, 189).

Письмо такого содержания не могло быть написано ни 15 ноября (утром 15-го Жуковский писал Пушкину о бале в Аничковом дворце); ни 16-го, когда он отослал поэту решительное письмо, в котором потребовал выполнения условий, заключенных с Геккерном; ни 17-го, так как 17 ноября ситуация настолько обострилась, что дуэль казалась почти неминуемой и переговоры велись непосредственно секундантами.

Ключом к определению даты этого письма может служить следующая фраза Жуковского: «Обещаюсь не говорить более о том, о чем говорил до сих пор и что теперь решено...». Значит, письмо было написано, когда переговоры еще шли, но уже было достигнуто какое-то соглашение. Вероятнее всего, это было после разговора Пушкина с Е. И. Загряжской, когда впервые наметился перелом в ходе переговоров. Весь тон этого письма говорит о том, как все еще тревожно и зыбко, хотя какой-то сдвиг совершился. Зная состояние Пушкина, Жуковский с удивительной деликатностью обращается к нему, забывая о своих обидах. В начале письма Жуковский, по всей вероятности, упоминает о тех тягостных для обоих разговорах, которые происходили 9 и 10 ноября, когда поэт наотрез отказался от объяснений с Дантесом. 11-го они, возможно, не виделись. Так что интересующее нас письмо, скорее всего, написано утром 12 или 13 ноября.¹⁴

Серию писем, связанных с ноябрьской дуэльной историей, завершает коротенькая записка Жуковского: «Неужели в самом деле ты не хочешь ходить ко мне, Александр Сергеевич. Это производит в душе моей неприятное колыхание. Уповаю, что нынче насладюсь твоим лицезрением. Ж.» (XVI, 195). Это письмо, конечно, написано после 17 ноября, когда дело уже было улажено и Пушкин официально сообщил секунднтам о своем отказе от вызова. В письме слышатся отголоски перенесенных обоими бурь.

Маловероятно, чтобы такое письмо было написано после событий, происшедших 21 ноября, и после аудиенции во дворце, состоявшейся благодаря вмешательству Жуковского. Хорошо известно, что в последующие дни Пушкин и Жуковский постоянно общались (об этом свидетельствуют, в частности, записи в дневнике А. И. Тургенева).¹⁵ По-видимому, эта записка Жуковского написана 19—20 ноября.

Все эти письма, введенные в контекст реальных событий, говорят о том, что в ноябре 1836 г. Жуковский сыграл решающую роль в предотвращении дуэли.

¹⁴ В книге «Пушкин в 1836 году» (с. 118) это письмо датировано предположительно 11 ноября. Но теперь, учитывая все вышеизложенное, прихожу к выводу, что точнее датировать его 12—13 ноября.

¹⁵ *Абрамович С. Л.* Пушкин в 1836 году, с. 171.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(Пушкинский Дом)

ЖУКОВСКИЙ
И
РУССКАЯ
КУЛЬТУРА

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1987